

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Дмитрій Александрович
Клеменць въ 1875 $\frac{1}{2}$ г.

Дмитрій Александровичъ Клеменць.

(Біографическій очеркъ).

Велики и многоцѣнны заслуги Д. А. Клеменца въ области науки и географическихъ изслѣдованій; значительна была его роль въ исторіи Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества; глубокій слѣдъ онъ оставилъ въ Сибири и сопредѣльной съ ней Монголіи. Но научная дѣятельность Д. А. не исчерпываетъ его жизни. Д. А. былъ и крупнымъ общественнымъ и политическимъ дѣятелемъ, сыгравшимъ исключительно выдающуюся роль въ движеніи 70-хъ годовъ. Этой сторонѣ своей жизни онъ придавалъ большое значеніе, никогда не отдавая себя всего цѣликомъ научнымъ работамъ. Въ самый разгаръ научной дѣятельности Д. А. не разрывалъ связи съ русской общественностью, какъ и въ періоды интенсивной политической работы онъ не отрекался отъ науки.

Въ лицѣ Д. А. Клеменца замѣчательно счастливо совместились отважный изслѣдователь-географъ, вдумчивый ученый, блестящій ораторъ, яркій публицистъ, художникъ, талантливый полный юмора фельетонистъ, легко владѣвшій стихотворной формой, общественный дѣятель изумительной энергіи и пропагандистъ, подчинявшій себѣ народныя массы. Жизнь Клеменца была многообразна, крайне содержательна и блестяла яркими красками. Мы не ошибемся, если скажемъ, что на протяженіи почти полувѣка русской жизни Д. А. былъ одной изъ наиболѣе крупныхъ фигуръ. Въ немъ все было характерно: и нѣсколько калмыцкое лицо съ высокимъ философскимъ лбомъ и съ чудными темными глазами, въ которыхъ свѣтилась безконечная доброта, и искрились блески юмора, и правильно очерченный красивый ротъ съ иронической улыбкой, и крѣпкая, угловатая, дышащая силой фигура, и веселый безусловно соціабельный ха-

раκτήрь, дѣлающій изъ него «компанейскаго» человѣка, несмотря на всю индивидуальность его міросозерцанія, рѣзко отличающую его отъ окружающихъ.

Люди разнообразныхъ общественныхъ профессій и политическихъ взглядовъ сходятся въ оцѣнкѣ Клеменца. Его товарищъ, революціонеръ Шишко, считалъ Клеменца мудрецомъ-мыслителемъ, котораго природа надѣлила головсїи, напоминающей голову Сократа. Кравчинскій—Степнякъ въ своей «Подпольной Россїи», давая художественную характеристику Клеменца, говоритъ, «что Д. А. былъ блестящимъ образчикомъ *мыслителя* со всѣми его достоинствами и недостатками». Академикъ В. В. Радловъ приглашая Клеменца участвовать въ экспедиціи въ Каракорумъ полагалъ, что Д. А., какъ мыслитель, дастъ философское освѣщеніе открытымъ древностямъ. Такимъ же мыслителемъ-философомъ считали Д. А. его товарищи семидесятники и всѣ его многочисленные біографы, признавая въ немъ человѣка исключительныхъ дарованій и таланта. Не только жизнь, но и самая кончина Д. А. произошла при исключительныхъ обстоятельствахъ, напоминающихъ намъ кончину супруговъ Елисеѣвыхъ и Милютиныхъ.

Д. А. скончался на другой день послѣ похоронъ своей жены Елизаветы Николаевны, дѣлившей съ мужемъ въ теченіе 30-ти лѣтъ труды и превратности ихъ скитальческой жизни. Д. А. скончался, не подозревая, что его подруги уже нѣтъ.

Д. А. горѣлъ яркимъ огнемъ всю жизнь и не зналъ покоя. Нѣкоторые біографы говорятъ, что Д. А. не нашелъ себя и не далъ того, что могъ онъ дать, благодаря своему таланту, изумительной энергіи и оригинальному, вполне опредѣленному индивидуальному міросозерцанію. Одни думаютъ, что изъ него при иныхъ условіяхъ русской общественности долженъ былъ выйти народный трибунъ, политическій дѣятель, такой же яркій, какимъ былъ во Франціи его современникъ Жоресъ; другіе находятъ, что, если бы Д. А. избралъ профессорскую карьеру, то онъ былъ бы по своему вліянію вторымъ Грановскимъ. Но не будемъ гадать, чѣмъ могъ бы быть Клеменць при иныхъ условіяхъ русской жизни. Клеменць для насъ дорогъ такимъ, какимъ мы знали его, какимъ мы любили его: его жизнь представляетъ большую цѣнность; борозда проведенная имъ въ русской жизни, глубока, вліяніе его на окружающую среду бы-

ло велико. Онъ жилъ и умеръ большимъ человѣкомъ, крупной величиной и въ общественномъ и въ научномъ отношеніи. Онъ не отцвѣлъ безслѣдно, какъ многіе его товарищи и современники, жизнь которыхъ слагалась болѣе благопріятно, чѣмъ скитальческая, полная тревоженій и лишеній жизнь Клеменца. Въ эпоху 70-хъ годовъ, въ разгаръ народническаго движенія, Клеменецъ былъ самой крупной фигурой въ этомъ движеніи; съ нимъ считались, его цѣнили, ему подчинялись.

Эпоха народническаго движенія наложила неизгладимыя черты на все міросозерцаніе Клеменца, и онъ донесъ до могилы неприкосновенными идеалами этой эпохи, считая 70-е годы самой значительной эпохой своей жизни. Вотъ почему, несмотря на ученые заслуги, на многогранную жизнь и офиціальнѣйшій почетъ, Д. А. никогда не отходилъ отъ своихъ старыхъ товарищей и пользовался ихъ симпатіями. И эти «старіки», когда умеръ Д. А., бывший уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, выражали свою глубокую скорбь въ телеграммахъ и некрологахъ, вспоминая съ любовью «безпокойнаго Дмитрія Клеменца».

Въ основѣ всѣхъ исканій Д. А., въ основѣ его революціонной, общественной и научной дѣятельности лежала общечеловѣческая правда и жажда познанія. «Обладая ненасытной жаждой знанія», говоритъ Кравчинскій про Клеменца, «онъ изучалъ все, не заботясь о томъ, сможетъ ли онъ извлечь изъ этого непосредственную пользу или нѣтъ»... «Клеменецъ любитъ весь міръ и не упускаетъ ни одного случая принять участіе въ его жизни». Но Клеменецъ любилъ міръ, потому что въ центрѣ его стоялъ человѣкъ, за счастье котораго Д. А. рисковалъ собственной жизнью. Общечеловѣческая правда, стремленіе найти тотъ рычагъ, который поднѣлъ бы человѣчество на высоты счастья—вотъ мотивы, которыми онъ руководствовался въ своей жизни, въ общественной и научной дѣятельности и которые дали содержаніе его революціонному мышленію и сдѣлали изъ него художника—пропагандиста. Его образной рѣчью, пересыпанной богатыми сравненіями, перлами народнаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ, рѣчью, сверкающей остроуміемъ и юморомъ, увлекались его товарищи, забывая, что онъ говорилъ рабочимъ или народу.. Всѣ его друзья говорятъ о Д. А., какъ о самомъ талантливомъ идеальномъ пропагандистѣ на всемъ про-

тяженіи 70-хъ г.г. Обладая большимъ ораторскимъ талантомъ, Д. А. былъ и блестящимъ публицистомъ, выдающимся фельетонистомъ, не лишеннымъ поэтическаго дарованія. Оригинальный стиль, обширная эрудиція, яркое перо заставляли зачитываться его статьями. Если его мало знаютъ, какъ писателя, это объясняется только тѣмъ, что Д. А. рѣдко писалъ подъ своей фамиліей, а больше подъ псевдонимами. Революціонная печать 70-хъ г.г. полна его статьями. Но онъ и тогда писалъ больше въ легальныхъ журналахъ, чѣмъ въ нелегальной прессѣ, «потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Кравчинскій», нуждался въ болѣе обширной аудиторіи, чѣмъ та, которую могла доставить ему подпольная литература». Д. А. писалъ также и во французскихъ и англійскихъ журналахъ. Его статьи въ «Le Travailleur» обращали на себя вниманіе французскихъ читателей, несмотря на то, что тамъ же печатались статьи братьевъ Реклю, Лефранса, Гомбона, Мечникова, Драгоманова и др. выдающихся ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Отъ всей жизни, какъ и отъ самой фигуры Клеменца, вѣтъ какой то особенной ширью. Огромный размахъ чувствовался въ каждомъ дѣлѣ, въ которое онъ влагалъ свою душу. Эту ширь, этотъ размахъ, по свидѣтельству Кравчинскаго Клеменць получилъ отъ «первобытнаго, пастушескаго, населенія волжскихъ степей», среди которыхъ, въ деревнѣ Горяиновой Самарской губерніи родился 14 декабря 1848 г. Д. А. Клеменць, «Деревня Горяинова», «14 декабря» и «1848 годъ», съ которыми связанъ моментъ рожденія Клеменца, какъ бы символизировали будущую дѣятельность новорожденнаго. и впоследствии товарищи указывали Д. А., что Провидѣніе не спроста избрало дату рожденія и названіе мѣста, гдѣ онъ родился, связавъ его рожденіе съ народнымъ горемъ и съ тѣми, кто стремился облегчить это горе.

Отецъ Клеменца былъ нѣмецъ и служилъ управляющимъ въ одномъ крупномъ имѣніи, а мать происходила изъ мелкопомѣстнаго дворянства. Въ раннемъ дѣтствѣ Д. А. пришлось пережить, какъ онъ самъ говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «картины мелкаго тиранства надъ горстью крѣпостныхъ». Палки, розги и др. «картины тиранства» оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ ребенка и заложили въ немъ основы будущаго народническаго міросозерцанія. Отъ этихъ «картинъ тиранства» страдалъ и его отецъ, отличавшійся гуманностью, и особенно мать, имѣвшая

большое вліяніе на ребенка. Та мягкость характера, которой отличался Д. А., выработалась въ немъ подъ вліяніемъ матери. Къ своимъ родителямъ Д. А. относился съ большой нѣжностью и любовью. Этой любовью проникнуты его «воспоминанія», и особенно ярко она проявилась въ его стихотвореніи «Отрѣзанный ломоть», найденномъ нами въ его записной книжкѣ. Клеменць, ѣдущій въ ссылку, откуда онъ не ждетъ возврата, проситъ родителей забыть его, чтобы имъ не страдать.

Пробывъ недолго въ Хвалынскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ Самарской гимназіи, Д. А., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ переведенъ на казенный счетъ въ Казанскую гимназію, отличавшуюся своими дореформенными порядками и поркой гимназистовъ до истязанія. Здѣсь Клеменць пережилъ объявленіе воли, волненія крестьянъ въ Безднѣ, демонстраціи по этому поводу, панихиду по убитымъ крестьянамъ и рѣчь Щапова.

На панихиду гимназисты попали случайно: они хоронили своего товарища и вмѣшались въ толпу студентовъ. Д. А. рассказывалъ, что самыми сильными впечатлѣніями его дѣтства были: порка крестьянъ, революціонныя пѣсни студентовъ, возвращавшихся съ панихиды по убитымъ крестьянамъ, и казнь участниковъ казанскаго заговора: Иваницкаго, Чепняка и др.

Общественное міросозерцаніе Клеменца сложилось въ гимназіи подъ вліяніемъ чтенія Некрасова, Добролюбова, Чернышевскаго, Бюхнера и др., а также «Современника» и Герценовскаго «Колокола». Кончая гимназію, Д. А. твердо рѣшилъ посвятить свои силы на служеніе народу. Передъ нимъ, какъ и передъ другими его современниками-интеллигентами, стоялъ вопросъ о неоплатномъ долгѣ русскаго общества и русской интеллигенціи передъ народомъ. Политическія убѣжденія его на рубежѣ 60-70 г.г. близко подходили къ программѣ „молодой Россіи“. Работа въ деревнѣ, куда онъ поѣхалъ по окончаніи курса въ гимназіи, чтобы добыть денегъ для поступленія въ университетъ, полевая работа, въ которыхъ онъ принималъ близкое участіе, окончательно сблизили Клеменца съ народомъ и дали направленіе его будущей дѣятельности.

Работая въ деревнѣ, а потомъ зимой продавая на городскихъ базарахъ посѣянную имъ совмѣстно съ однимъ помѣщикомъ пшеницу, Д. А. продолжалъ читать и учиться. Годъ меж-

ду гимназій и университетомъ для Клеменца не пропаль даромъ: онъ вполнѣ сознательно выбралъ физико-математическій факультетъ, желая заняться изученіемъ философіи. Уже на первомъ курсѣ Казанскаго университета Д. А. основываетъ кружокъ «позитивистовъ», пріобрѣтаетъ большое вліяніе на студентовъ. За три года своего пребывания въ Казанскомъ университетѣ, Клеменць организовалъ изъ студентовъ нѣсколько кружковъ для саморазвитія и создалъ студенческую кассу.

Жизнь въ Казани не удовлетворяла Д. А.; его дѣятельная натура искала болѣе ширскаго примѣненія энергіи, а сознание необходимости уплаты „неоплатнаго долга“ народу толкала Клеменца на путь активной борьбы за интересы народа. Докатившіеся до Казани слухи о нечаевскомъ дѣлѣ, преувеличенное представленіе о нечаевской организациі окончательнo рѣшаютъ судьбу Клеменца: онъ бросаетъ Казанскій университетъ и работу въ газетахъ и ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ поступаетъ на четвертый курсъ физико-математическаго факультета, сразу занимая, благодаря своему развитію, импонирующее положеніе среди студентовъ.

Ореоль, какимъ въ глазахъ Клеменца былъ окруженъ въ Казани Нечаевъ и его единомышленники, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, быстро померкъ... Клеменць, не присоединяясь къ существующимъ организаціямъ, самъ организуетъ кружки саморазвитія среди студентовъ. На этомъ пути онъ встрѣчается съ Рогачевымъ и Чарушинымъ, и они уже совмѣстно принимаютъ за организацію рабочихъ, открываютъ первую библиотеку для рабочихъ и устраиваютъ для нихъ популярныя лекціи. Въ Петербургѣ Клеменць сближается съ либеральными кружками русской интеллигенціи, принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ между «либералами» и „народниками“ и входитъ вполтную въ журнальную работу. Къ 1872 г. имя Клеменца уже становится популярнымъ въ радикальныхъ и либеральныхъ кружкахъ столицы и среди студенчества. Въ 1872 г. окончательнo сформировался кружокъ чайковцевъ-одна изъ наиболѣе выдающихся организацій 70-хъ годовъ. Клеменць входитъ въ составъ этого кружка и пріобрѣтаетъ тамъ большое вліяніе, несмотря на то, что составъ чайковцевъ по моральнымъ и интеллектуальнымъ качествамъ его членовъ былъ исключительнымъ. Съ этого момента Д. А. становится самой яркой фигурой въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Это признають кн. Кра-

поткинъ, Кравчинскій (Степнякъ), Феликсъ Волховской, Чарушинъ и др. чайковцы. Во всѣхъ воспоминаніяхъ, которыя появлялись въ 70-е годы и особенно за послѣдніе 10 лѣтъ, всѣ авторы даютъ самые восторженные отзывы о Клеменцѣ. Это тѣмъ болѣе дорого, что Клеменць никогда не поступался своей индивидуальностью и часто шелъ противъ мнѣній всѣхъ товарищей. Являясь отличнымъ организаторомъ, пропагандистомъ, которому не было равнаго, смѣлымъ до дерзости исполнителемъ различныхъ революціонныхъ предпріятій, Д. А. былъ и главной литературной силой, какъ у чайковцевъ, такъ и въ послѣдующей организаціи «Земля и Воля». Имъ былъ написанъ рядъ стихотвореній: «Дубинушка» („Наша барка на мель сѣла“), гимнъ— „Братья впередъ“, крестьянская пѣснь—«Ахъ ты доля, моя доля» и др. Перу Клеменца принадлежитъ нѣсколько брошюръ и между ними наиболѣе талантливая „Хитрая механика“. Онъ много писалъ въ Лавровскомъ журналѣ „Впередъ“, «Община», «Земля и Воля» и др.

«Общину» и „Землю и Волю“ онъ редактировалъ. Но главныя литературныя работы Клеменца были не въ нелегальной и заграничной печати, а въ журналахъ «Слово», «Знаніе», «Отечеств. Записки» и др., а также газетахъ. Многія его статьи производили большое впечатлѣніе и возбуждали всеобщій интересъ. Статья же его по поводу «Бѣсовъ» Достоевскаго считается наиболѣе блестящей и талантливой критикой изъ всего, что было написано по поводу этого романа-памфлета.

Клеменць занимался и переводами англійскихъ и французскихъ поэтовъ. Въ легальной и нелегальной печати въ 70-е годы Клеменцомъ написано очень много, но, къ сожалѣнію, всѣ эти статьи, брошюры и стихотворенія были или анонимными, или подписывались псевдонимами.

Съ 1873 г. Клеменць переходитъ на нелегальное положеніе. Нелегальнымъ онъ исколесилъ всю Россію въ качествѣ богомольца, раскольника, рабочаго на полевая работы, нищаго и т. п. Живаль онъ въ деревняхъ писаремъ, кучеромъ у помѣщиковъ и т. д. Отъ деревни и агитаціонной дѣятельности среди народа Клеменцу приходится отрываться и заѣзжать въ столицы, чтобы помочь товарищамъ въ организаціонной работѣ, наладить какое-нибудь предпріятіе или остановить болѣе горячихъ и молодыхъ товарищей отъ рискованныхъ неисполнимыхъ пред-

пріятій. Клеменць былъ крайне остороженъ и въ то же время отваженъ. Онъ никогда не поручалъ другимъ опасныхъ дѣлъ, предпочитая выполнять ихъ самъ. Онъ никогда не терялся, игралъ опасностью и въ самые критическіе моменты шутилъ. Про него рассказываютъ легенды. Онъ пытался взять на поруки А. Сендюкова, велъ по этому поводу переговоры съ властями несмотря на то, что его самого разыскивали. Подъ именемъ инженера Штурма онъ пріѣхалъ въ Петрозаводскъ, гдѣ обворожилъ губернатора и все общество, а потомъ, почти у всѣхъ на глазахъ, въ собственной повозкѣ увезъ ссыльнаго Тельсіева. Въ имѣньѣ Свѣчиныхъ, куда нагрянула полиція для ареста Клеменца, Д. А. переодѣвается нищимъ и проситъ милостыню у жандармовъ и урядника. Позднѣе, когда шли процессы 193, къ которымъ были привлечены и Клеменць и Вѣра Засуличъ, онъ, нелегальный, проникалъ въ залъ засѣданій суда, а потомъ принялъ участіе въ организаціи побѣга Вѣры Засуличъ.

Несмотря на кипучую, полную тревоги и опасностей жизнь, Клеменць много читаетъ, учится, переводитъ съ иностранныхъ языковъ и пишетъ. Въ 1875 г., по настоятельной просьбѣ товарищей, Клеменць уѣзжаетъ за-границу. Въ Берлинѣ онъ сближается съ вожаками социаль демократовъ, но интересуется не только политической и общественной дѣятельностью, но и увлекается лекціями Гельмгольца, дебатировать съ Дюрингомъ; въ Парижѣ онъ работаетъ по математикѣ, сближается съ Бертрамомъ и Жамене, изучаетъ естественныя науки, увлекается философіей. По словамъ Кравчинскаго, письма Клеменца изъ Берлина и Парижа были полны отчетами о научныхъ новостяхъ, лекціяхъ, засѣданіяхъ и открытіяхъ. Д. А. всегда стоялъ на высотѣ знаній европейскаго интеллигента и былъ чуждъ сектантства. Онъ любилъ жизнь и весь міръ и стремился познать его. Его пытливый умъ и всестороннее образованіе воспитали въ немъ жажду знаній. Передъ Русско-Турецкой войной Д. А. возвращается въ Россію, и снова начинается жизнь, полная опасностей во время его поѣздокъ по Россіи. На Уралѣ его застаютъ извѣстіе о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ. Наскоро ликвидировавъ дѣла, Клеменць спѣшитъ въ Сербію, чтобы принять участіе въ борьбѣ съ турками. Въ Бѣлградѣ онъ быстро завоевываетъ всеобщее уваженіе; ему предлагаютъ командованіе отрядомъ добровольцевъ. Но добровольцы на Клеменца производятъ неблагоприятное впечатлѣніе. Онъ оставляетъ Бѣлградъ и вмѣстѣ съ

Грачевымъ, рискуя жизнью, пѣшкомъ пробирается въ Черногорію. Но заключается перемиріе, и Клеменць безъ гроша денегъ ѣдетъ въ Женеву, а потомъ въ Парижъ съ его Сорбонной, зоологическимъ садомъ, музеями, гдѣ работаетъ въ лабораторіяхъ и ведетъ дебаты по научнымъ вопросамъ, пишетъ въ журналахъ и газетахъ не только на политическія и общественныя темы, но и по спеціально научнымъ вопросамъ. Въ международной эмиграціи Клеменць занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ: съ нимъ считались, его слушали, съ нимъ совѣтовались.

Народившаяся партія «Земля и Воля», изданіе партійнаго органа вызвали Клеменца опять въ Россію. Онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и беретъ въ свои руки веденіе печатнаго органа этой партіи. Въ столицѣ приходится вести скитальческую жизнь, жить по чужимъ квартирамъ. Въ мартѣ 1879 г. его арестуютъ на квартирѣ Александрова: Клеменць держитъ себя съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Обыскъ не даетъ результатовъ, и жандармы уже начинаютъ сомнѣваться въ томъ, что обыскиваемый ими человекъ есть Клеменць. Но въ диванѣ находятъ нелегальныя изданія и архивъ «Земли и Воли».

— Что это значитъ? спрашиваютъ Клеменца.—Перемѣнили валъ въ органѣ, спокойно отвѣчаетъ Д. А.

Петропавловская крѣпость... Допросы, которые ведетъ самъ Плеве... Товарищи и единомышленники Клеменца въ большой тревогѣ и за судьбу и за жизнь Клеменца. Но онъ самъ спокоенъ, шутитъ съ прокуроромъ и жандармами, много читаетъ, занимается; на допросахъ излагаетъ цѣлыя научныя теоріи и гипотезы, поражая допрашивающихъ своими широкими познаніями и всесторонностью своего образованія.

Долгіе мѣсяцы заключенія Клеменца благопріятно отразились на слѣдствіи. Пропагандистская и агитаціонная работа Д. А. поблѣднѣли передъ послѣдующими революціонными фактами. Въ то же время изъ дѣла Клеменца, благодаря Клѣточникову, служившему въ III отдѣленіи, исчезли вещественныя и документальныя доказательства—весь портфель съ архивомъ «Земли и Воли», служившей главной уликой противъ Клеменца. Несомнѣнно огромный умъ, широкія познанія, талантливость и терпимость Д. А. немало способствовали тому, что даже самъ Плеве сталъ относиться съ уваженіемъ къ Д. А., сожалья, что такой яркій и глубокій человекъ «сбилъ съ пути». Всѣ эти обстоятельства,

вмѣстѣ взятыя, повліяли на дѣло Клеменца такъ, что его не судили, а выслали административнымъ порядкомъ въ Сибирь, въ Минусинскъ.

Здѣсь, начавъ работать въ Мартыановскомъ музеѣ, онъ быстро выдвигается въ первые ряды общественныхъ и научныхъ дѣятелей Сибири. Дѣятельная натура Клеменца не знала покоя, а обширныя знанія и эрудиція дали Сибири вполне подготовленнаго къ научнымъ изслѣдованіямъ челоуѣка. Съ первыхъ же шаговъ своей сибирской жизни Д. А. задался цѣлью приспособить къ изученію Сибири невольную сибирскую интеллигенцію, среди которой было не мало товарищей Д. А.

Оцѣнка научныхъ работъ Клеменца и его дѣятельности въ Сибири не входитъ въ задачу моей статьи. Объ ученыхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ Клеменца нужно писать много: всѣ біографы, статьи въ энциклопедическихъ словаряхъ, Д. Н. Анучинъ, В. А. Обручевъ, Г. Н. Потанинъ и мн. др. высоко цѣнятъ эти труды и работы, отмѣчая, что Д. А. никогда не былъ шаблоннымъ изслѣдователемъ и бытописателемъ.

Въ Минусинскѣ Д. А. женился на Елизаветѣ Николаевнѣ Звѣревой, *) явившейся цѣнной сотрудницей всѣхъ его экспедицій и другомъ въ жизни. Получивъ право разъѣздовъ, Клеменецъ выѣхалъ въ Томскъ и тамъ сдѣлался душой редакціи «Сибирской газеты», гдѣ впервые появились его знаменитые фельетоны подъ псевдонимомъ „Нургали“. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ писалъ и въ «Восточномъ Обзорѣніи», которое редактировалъ въ теченіе года. За все время пребыванія въ Сибири, среди многообразной и продуктивной работы Д. А. никогда не порывалъ связи съ своими товарищами по ссылкѣ и всегда у нихъ былъ желаннымъ гостемъ. Въ бесѣдахъ съ товарищами

*) Родилась въ 1854 г., воспитывалась въ Казанскомъ институтѣ, учительствовала въ Томской женской гимназіи, а потомъ поступила на высшіе женскіе Бестужевскіе курсы (естественно-историческое отдѣленіе), которые окончила въ 1884 г.; въ Петербургѣ сблизилась съ Ядринцевыми и Потаниными. Въ Минусинскѣ она занимала мѣсто начальницы женской прогимназіи, снискала всеобщую любовь и уваженіе, работала въ Минусинскомъ музеѣ, преимущественно въ отдѣлѣ ботаники и гербаризаціи растений, писала въ «Восточномъ Обзорѣніи» и др., сибирскихъ газетахъ, участвовала во всѣхъ экспедиціяхъ мужа, завѣдуя отдѣломъ ботаники. Ея гербаріи поступили въ Томскій университетъ и высоко цѣнятся специалистами. Помогала мужу во всѣхъ его работахъ. Умерла 4 января 1914 г., пораженная ударомъ подъ впечатлѣніемъ болѣзни мужа.

Клеменць любилъ вспоминать прошлое, но мало говорилъ о себѣ, а больше о другихъ. Онъ живо реагировалъ въ 1889 г. на Якутскую исторію и Карійскую трагедію, въ теченіи долгаго времени скорбѣлъ истиннымъ горемъ. Какъ литературная сила, Клеменць въ сибирской печати занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди сибирскихъ журналистствъ; онъ завоевалъ въ Сибири широкую популярность не только, какъ изслѣдователь и ученый, и общественный дѣятель, но и какъ талантливый публицистъ и фельетонистъ.

Ученыя заслуги Д. А. Клеменца извѣстны ученому міру. Благодаря этимъ заслугамъ, Д. А. получаетъ въ концѣ 90-хъ годовъ должность сначала хранителя, а затѣмъ старшаго этнографа при академическомъ музеѣ антропологии и этнографіи въ Петербургѣ. Тамъ онъ сблизается съ редакціей «Русскаго Богатства», съ кружкомъ Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко, принимаетъ дѣятельное участіе въ общественно-литературной жизни Петербурга, много пишетъ въ газетахъ и журналахъ, сотрудничаетъ въ „Сибирскихъ Вопросахъ“, дѣлается дѣятельнымъ членомъ сибирскаго общества.

Сибирь, ставшая для Клеменца второй родиной, постоянно притягивала его къ себѣ; онъ и изъ Петербурга успѣлъ съѣздить къ монголамъ и затѣмъ къ бурятамъ; въ 1898 г. состоялась его поѣздка въ Турфанъ, давшая блестящіе результаты. Эта экспедиція дала толчекъ къ германской экспедиціи проф. Грюнведела. Открытія Клеменца и Грюнведела и работы ихъ о Турфанѣ послужили поводомъ къ учрежденію международнаго союза для изученія Средней и Восточной Азіи, преимущественно для изученія Восточнаго Туркестана. Такъ цѣнны были открытія, сдѣланныя Клеменцомъ въ Турфанѣ. Также цѣнны были его работы по миѳологіи сибирскихъ инородцевъ, по ихъ быту и др. Клеменць любилъ инородца дѣятельной любовью: когда надъ проповѣдниками „бѣлой вѣры“ среди Алтайскихъ инородцевъ повисъ мечъ правосудія, и ихъ обвиняли въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, Клеменць бросаетъ и науку, и общественную дѣятельность, и друзей и спѣшитъ на Алтай, чтобы защитить инородцевъ отъ клеветы. Его горячая, страстная рѣчь, проникнутая гуманностью и глубокимъ знаніемъ психологіи и быта инородцевъ произвела сильное впечатлѣніе на судей и способствовала оправдательному приговору суда.

Авторитетъ Клеменца, какъ знатока инородцевъ и ихъ быта, утвердился за нимъ прочно. Такъ, когда въ 1900 году при Русскомъ музеѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III рѣшено было организовать этнографическій музей, то Клеменць былъ приглашенъ завѣдующимъ этимъ музеемъ. Въ теченіе 10 лѣтъ, не покладая рукъ, работалъ Д. А. для созданія этого музея, который, по богатству коллекцій, ихъ систематической обработкѣ, является однимъ изъ значительныхъ міровыхъ учреждений по народовѣдѣнію. Работа въ музеѣ подорвала здоровье Д. А., и ему не разъ приходилось ѣздить за границу лечиться. Въ Швейцаріи онъ встрѣтился со многими старыми товарищами и жилъ въ ихъ кругу, отдаваясь воспоминаніямъ молодости. Въ 1905 году Клеменць принимаетъ участіе въ различныхъ собраніяхъ, а послѣ амнистіи собираетъ деньги для возвращающихся ссыльныхъ. Д. А. никогда не замыкался въ сферу чистой науки; онъ постоянно горѣлъ общественнымъ огнемъ и былъ дѣятельнымъ членомъ прогрессивныхъ и демократическихъ кружковъ. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на его служебной карьерѣ. Въ 1910 г. онъ неожиданно для себя получаетъ отставку и награждается чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пенсіей въ 2 т. руб.

Клеменцы переѣхали въ Москву. Д. А. продолжалъ работать для лондонской экспедиціи, писалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ печатались его воспоминанія «изъ прошлаго», составилъ для американскаго издательства въ Бостонѣ двѣ большія статьи о религіозныхъ воззрѣніяхъ инородцевъ. Но онъ постепенно слабѣлъ и угасалъ. Послѣдній годъ своей жизни Д. А. почти уже не выѣзжалъ. Положеніе его съ каждымъ днемъ ухудшалось, а въ новый годъ (1914 г.) съ нимъ сдѣлался острый припадокъ, и онъ потерялъ сознание. Консилиумъ врачей съ П. С. Усовымъ уже не могъ помочь ему. Онъ въ бреду звалъ „Лизу“, которой уже не было.

8 января въ 9 ч. вечера, окруженный друзьями, Д. А. тихо скончался. Кончина эта острой болью отозвалась въ Сибири, Европейской Россіи и заграницей; отовсюду стали поступать телеграммы. Газеты были полны статьями о Клеменцѣ. Въ многочисленныхъ вѣнкахъ и цвѣтахъ утопалъ гробъ.

Похоронили Д. А. на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ одной могилѣ съ женой, въ присутствіи учащейся молодежи, ученыхъ,

друзей, бывшихъ ссыльныхъ и многочисленной публики. На могилѣ были произнесены рѣчи: академикомъ С. Ф. Ольденбургомъ отъ лица Академіи наукъ, И. И. Поповымъ отъ Сибири, географическихъ отдѣловъ и товарищей покойнаго, кн. Д. Θ. Ухтомскимъ отъ лица музея АЛЕКСАНДРА III и А. А. Макаренко отъ Общества изученія Сибири. Рѣчь студента отъ лица учащихся сибиряковъ не была допущена представителемъ полиціи.

Въ рѣчахъ Клеменць былъ обрисованъ, какъ человѣкъ съ великой душой, благороднымъ сердцемъ, давшій намъ образецъ блестящаго мыслителя, разносторонняго вдумчиваго ученаго, талантливаго писателя и отважнаго общественнаго дѣятеля, оставившаго глубокій слѣдъ въ жизни не только 70 г. г., но и въ послѣдующіе періоды, когда онъ служилъ Сибири и наукѣ не за страхъ, а за совѣсть, оставаясь вѣрнымъ идеаламъ юности. Въ этой оцѣнкѣ личности покойнаго нѣтъ ничего преувеличеннаго: Клеменць дѣйствительно былъ одной изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ фигуръ на фонѣ исторіи послѣднихъ 45 лѣтъ.

Москва.

И. И. Поповъ.

